

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ Н. А. БЕРДЯЕВА

А. О. Слепцова

*Тамбовский государственный технический университет,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина*

Поступила в редакцию 5 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается представление Н. А. Бердяева о бытии с целью поиска онтологических законов, которые, согласно мыслителю, исказили мир, когда тот лишился божественной благодати. Установленные принципы бытия, а именно недостижимость совершенства и невозможность свободы, лишают человека возможности быть высокоморальной личностью, закрепощая в состоянии животного. Анализ таких сфер, как наука, искусство и религия, в бердяевской интерпретации показал, что эти сферы также искажены грехопадением, поскольку в земном мире, по мнению мыслителя, невозможно совершенство и в любом начинании неизбежны погрешности. Бытие, погрязшее в страхе и конкурентной борьбе для Н. А. Бердяева, теряет всякую целесообразность, поэтому философ требует переоценки ценностей и отмену этих онтологических законов.

Ключевые слова: бытие, грехопадение, мораль, свобода, человек.

Abstract: the article considers N. A. Berdyaev's idea of being in order to search for ontological laws, which, according to the thinker, distorted the world when it lost divine grace. The established principles of being, namely the unattainability of perfection and the impossibility of freedom, deprive a person of the opportunity to be a highly moral person, enslaving him in the state of an animal.

An analysis of such spheres as science, art and religion in Berdyaev's interpretation showed that these spheres are also distorted by the fall, since in the earthly world, according to the thinker, perfection is impossible and errors are inevitable in any undertaking. Being, mired in fear and competitive struggle, for N. A. Berdyaev loses all expediency, so the philosopher demands a reassessment of values and the abolition of these ontological laws.

Key words: being, fall into sin, morality, freedom, man.

Специфика философии состоит в том, что здесь каждая концепция обладает правом выявлять универсальные законы бытия, а само обоснование того, что именно эта причинно-следственная связь определяет всю реальность и составляет ее суть. Субъективность мыслителя создает уникальную картину мира, где движущими силами бытия, общественными и индивидуальными мотивациями становятся наиболее значимые для личности автора причины. Философия, пытаясь осмыслить реальность через индивидуальное видение, открывает законы мироздания, которые не всегда могут пройти верификацию, однако демонстрируют именно человеческое измерение бытия. Для философии Н. А. Бердяева это утверждение в высшей степени справедливо, так по словам Е. Ламперта, он «хочет интуитивно описать тайну, которая принадлежит самой глубине бытия и раскрывается в самом существовании» [1, р. 34]. Более того, Е. Ламперт замечает, что само познание для Н. А. Бердяева, – это «целостный творческий акт духа, не знающего вообще чего-то внешнего» [ibid, р. 38].

Какую же реальность увидел религиозный философ Н. А. Бердяев? Бердяевский мир – это не гармо-

ничный мир, где реализуется задумка Бога и люди, пусть и спотыкаясь, но руководствуются высшей моралью и стремятся к торжеству добра, а мир, лишенный божественной благодати, который мало чем отличается от любой другой формы жизни с борьбой за существование и вынужденной кооперацией, мораль здесь приспособленческая, а религия сковывает личность. Законы, по которым существует этот мир, во многом и обуславливают бесплодность любой активности.

При этом Н. А. Бердяев не лишает смысла само бытие и человеческую жизнь, но смысл этот заключен в полном отказе от привычного маршрута существования. Цель всего живого заключена во всеобщем освобождении и воссоединении с Богом. Однако угнетенный грехами человеческий потенциал способен лишь на повторение ошибок прошлого, так и оставляя каждое новое поколение на ступени их предков, погрязших вместе с остальной природой в моральной и физической тленности. Такое отношение предполагает вращение в этот падший мир через признание его законов как единственно возможных, игнорирование не только божественной идеи, но идеи своей исключительности. Становится очевидно, что земное бытие существует по законам падшего мира,

лишено моральной ценности и единственным адекватным отношением к ней становится стремление к его преобразению.

Мыслитель обнаруживает в существующей реальности невозможность совершенства. Для научного взгляда в этом нет ничего загадочного: все возрастающая энтропия как универсальный физический закон и человеческий фактор как закон биологический присутствуют в любом событии и явлении. Философ видит в этом не непреложный закон, а результат трагической ошибки – грехопадения, после чего человек, а вместе с ним и весь мир, пошли по ложному пути. Наука же, познающая законы бытия, всегда «изучает лишь болезненное состояние мира» [2, с. 111], она для Н. А. Бердяева не является абсолютным авторитетом, так «дефект нашего знания есть дефект самого бытия, результат греховности, отпадения от Бога» [там же, с. 102], попытка несовершенного разума понять несовершенный мир.

Невозможность совершенства обуславливает, по Н. А. Бердяеву, трагический характер творчества: «у великих художников была великая творческая энергия, но она никогда не могла адекватно реализоваться в их искусстве» [там же, с. 421]. Ведь все гении, чьи шедевры на протяжении столетий вызывают священный трепет, переживали муки творчества и испытывали отчаяние, когда совершенная идея искажалась в процессе реализации. Земной мир, отягощенный грехом, каждый раз принижает и опошляет задуманное, возвращая интуитивно действующего творца на место инстинктивно живущего зверя. Кроме того, творчество часто являлось фактором отчуждения личности, при этом Н. А. Бердяев считает это неизбежностью: «в известном смысле можно сказать, что творец всегда одинок и всегда проходит через страдание» [3, с. 297]. Естественно возникает вопрос о целесообразности творчества в принципе. Однако, по словам А. Е. Кудяева, «для Бердяева дилеммы здесь не существовало. Несмотря на невозможность достижения подлинного совершенства в этом мире, ..., творец по существу "обречен" на подобное стремление» [4, с. 159]. В этом стремлении проявляется этическое-онтологическая цель всей человеческой жизни – осуществить божий умысел в мире, восстановить утраченный миропорядок, очистив его от последствий грехопадения – чувства вечной, неискупаемой вины и морального бессилия.

«Нравственным императивом» называет эту установку А. Е. Кудяев, подчеркивая, что для Бердяева «творчество – это не личное дело человека и даже не право его, а священный долг и обязанность, которые таким образом обретают высший религиозный смысл и значимость и становятся судьбой человека» [4, с. 160]. Трагедия творца, сизифов труд, делающий личность всегда алчущей совершенства, по Н. А. Бер-

дяеву, есть главное доказательство дефективности мира. Философ здесь непреклонен, если в мире совершенные идеи искажаются, значит этот мир должен прекратить свое существование: «Мир должен кончиться именно потому, что в мире нет совершенной целесообразности, то есть сообразности царству Божьему» [5, с. 223].

Этот вывод может показаться в некоторой степени радикальным и характерным более для религиозного фанатика, чем для христианского философа-персоналиста. Здесь следует уточнить, что творчество для Н. А. Бердяева не ограничивается искусством, искусство для него – один из показателей несовершенства мира и того, как человек, видя это, пытается его исправить. Обреченность на неудачу характерна не только для мира искусства, любая идея из социальной реальности, базирующаяся на самых благородных мотивах, как правило, при своем воплощении привносит в мир целый ряд новых проблем. Любая преобразовательная деятельность в земном мире отягощена последствиями и, чаще всего, негативными. Сколько раз дорога в ад в этом мире была вымощена благими намерениями? Трагедия творчества, таким образом, это не эстетическая проблема, не только недостижимость божественной красоты в этом мире, но и недостижимость, в первую очередь, нравственного совершенства. Человек не может не только воссоздать райские кущи, он не в состоянии обрести гармонию бытия, он слишком далек от своего предназначения и слишком приближен к животному состоянию. Даже идею божественного, согласно Н. А. Бердяеву, человек искажил до неузнаваемости: «Человек обладает способностью превращать любовь к Богу и к высшей идее в самое страшное рабство» [6, с. 150]. Мыслитель требует от церкви божественной непогрешимости и не смиряется с ее тернистым путем в человеческой истории, так превращение церкви в социальный институт понимается как унижительная адаптация к земному миру, а христианская антропология, делающая упор на греховность человека, внушает Н. А. Бердяеву лишь чувства вины и безысходности. По словам О. В. Щекалевой, философ отвергает религию за лишение шанса человека исправить трагическую ошибку, преобразив творчеством мир, так «истинное творчество невозможно, если человек ориентируется на традиционную мораль послушания» [7, с. 61]. Иным видится ему подлинное христианство, это религия должна вести к свободе, а не упорствовать в восхвалении страха и пассивности. Можно сказать, что в традиционном христианстве даже искреннее верующему не хватает некой самоактуализации, его миссия в мире сведена к раскаянию и смирению, весь же личностный потенциал принадлежит светской сфере. Человек присутствует в христианстве только как субъект нравственности, он становится обезличенной суммой

плохих и хороших поступков, ценность всех остальных его устремлений не имеет значения.

Несмотря на то, что философия Н. А. Бердяева охватывает широкий круг вопросов, от богословских до эстетических, этическую проблематику следует считать доминирующей. Для мыслителя никогда не существовало вопроса о том, что первично – личность или социум, персоналист Н. А. Бердяев видел источник всех духовно-нравственных благ в индивидуальном сознании личности, только там происходит формирование или принятие принципов морали. Здесь содержится важное условие для существования нравственности в принципе, поскольку у Н. А. Бердяева индивидуальность приравнивается к человечности, которая в свою очередь означает и высший уровень морали и то, что выделяет человека среди зверей. По словам А. И. Тимофеева, для Н. А. Бердяева, человечность «является основой целостности человеческой души, и при этом она есть базис морального долженствования в обществе. В этом смысле человечность противостоит процессам объективации, обезличивания человека и превращения общества в некоторое подобие муравейника» [8, с. 87]. Только бытийный опыт единичного существа обеспечивает нравственный прогресс, путь к вершинам этики есть персональный подъем, общественная мораль направлена на сохранение достигнутого, защиту стабильности социальной системы, ей неведомы пики и обостренная чувствительность.

Поэтому основное требование, направленное Н. А. Бердяевым миру, по мнению А. П. Желобова, касается переоценки ценностей, повышения значимости человека на всех уровнях сознания и утверждает «необходимость собственно гуманизации и гуманитаризации индивидуального и общественного сознания» [9, с. 109]. Таким образом, только с утверждения главенства личности начинается духовное преобразование мира. По мнению ряда исследователей, идею об индивидуалистическом характере генезиса морали Н. А. Бердяев унаследовал от И. Канта, так А. В. Шумской подчеркивает, что «особенно важной для Н. Бердяева являлась идея кантовской этики о человеке и человечестве как самоцели, освящающей и санкционирующей нравственный прогресс. Иммануил Кант являлся для него настоящим основателем религии человечества» [10, с. 26]. Став адептом этой религии, мыслитель отвергает существующий мир как приспособленчество несовершенных существ к жестокой и обезбоженной реальности. Вся бердяевская онтология построена на неприятии мира в силу его аморальности, поскольку в нем не было обнаружено нравственности превосходящего порядка, а существующая мораль видит своим основанием не стремление к идеальному бытию, а победу в борьбе за выживание вида.

Для преобразования падшего мира, согласно Н. А. Бердяеву, следует игнорировать все его законы, освобождаясь от греховного детерминизма. Только абсолютизация ценности свободы позволит взглянуть на бытие незатуманенным взором и руководствоваться высшими ценностями, а не борьбой за существование. Концепт бердяевской свободы превосходит по значимости другие категории, это универсальный закон бытия, условие любого творения, существования всего сущего. Согласно О. Г. Шумилкиной у Н. А. Бердяева «свобода абсолютна, ее онтологический статус изначально выше божественного, что детерминирует положение Бога и человека, обуславливает особые взаимоотношения между ними, основанные на творчестве и любви» [11, с. 9], т. е. свобода – это закон, который выше Бога.

Философское рассмотрение свободы выявляет многоплановость и антиномичность понятия, нередко, ставя под сомнение даже саму возможность ее существования. В бердяевской интерпретации свобода «первичнее бытия» и в ней «скрыта тайна мира» [12, с. 64], поэтому «под свободой разное понимают, и отсюда много недоразумений» [там же, с. 72]. Одним из таких «недоразумений» было бы понимание свободы как абсолютного блага. Для Н. А. Бердяева свобода – это источник как блага, так и зла, ведь она есть его «творческая сила, не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла» [там же, с. 73]. Ведь очевидно, что божественная предрешенность, если бы такая существовала исключила бы зло из бытия, но свобода, а не предрешенность есть универсальный закон бытия, поэтому, по словам Л. Т. Усмановой, для Н. А. Бердяева «все зло в мире вырастает из этой неразумной, дикой свободы» [13, с. 12], породившей грехопадение как трагическую ошибку исконно свободного, но чрезвычайно несдержанного существа. Здесь концепт свободы раздваивается на две полярные этические категории, становясь благом или злом в зависимости от человеческого выбора. Очевидно, что тот, кто не обладает свободой не может совершить ни добра, ни зла.

Основой учения Н. А. Бердяева стала способность человека к недетерминированной деятельности, которая в понимании философа делает человека тем, кто преобразит падший мир. Свобода как условие развития – это закон, от которого невозможно избавиться, даже в бердяевском статусе всемогущества человека, при том, что в личности заложена максимальная степень свободы, только там возможна трансгрессия сквозь интересы вида. Согласно Н. А. Бердяеву, для этого преобразования человек должен свободно избрать путь сотворчества с Богом и прекратить обольщаться дикой свободой, оставляющей его на уровне животного. Одним из фундаментальных законов бытия является его антропоцентрич-

ность, так все, что происходит в мире – происходит по антропогенной причине, поскольку человек у Н. А. Бердяева обладает невероятным могуществом, но не осознает его. На этом основании, по мнению Р. Кнезевича, базировалась религиозность Н. А. Бердяева: «он стал христианином, потому что он искал веру, способную дать гораздо более глубокое основание для веры в человека» [14, с. 132].

Уникальная сущность же человека у Р. Кнезевича объясняется особым местом этого субъекта в иерархии бердяевского бытия: «человек стоит не только над всеми иерархическими ступенями природы, но и выше ангелов. Роль ангелов статична, потому что они просто зеркало славы Божьей. В то время как люди динамичны, у них есть призвание продолжать сотворение мира» [там же, с. 261]. Иной иерархии мыслитель не признавал, воспринимая любой социальный статус крайне враждебно: «Все иерархические чины этого мира всегда представлялись мне лишь маскарадом, лишь внешней одеждой, которую я охотно содрал бы» [12, с. 411]. В понимании Н. А. Бердяева присвоение человеку чина есть практически богохульство, поругание высокой миссии земной необходимостью, искажение божественного назначения. Чин подразумевает присвоение имени и указание на место, которое занимает объект, а это исключительная привилегия была, как известно, только у безгрешного Адама: «И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» [Быт 2: 20]. Падший же человек, пытаясь закрепить себе подобных, выстраивает иерархические вертикали, тем самым только усугубляет в отклонении от истинного пути. Это все то же торжество биологического, погружение во внутривидовое противостояние, ведущее за собой насильственное подчинение, определяемое исключительно расстановкой сил на данном этапе человеческой истории.

Философ требует от человека бунта, другое отношение к миру для него, это, по сути, богоотступничество, уход от своего предназначения. Учение Н. А. Бердяева еще более радикально, чем любое направление анархизма, ему нужен был бунт против любой пассивной формы жизни, он борется не только с закрепощением социальными путями, любая созерцательность, попытки отрешиться от борьбы для мыслителя аморальны. Он не идет ни на какие уступки в отношении к природным и социальным реалиям, обнаруживая в них лишь последствия падения мира.

В этом аспекте интересен спор двух мыслителей, которых объединяет как минимум время, место и объекты философского анализа. Идею противостояния Н. А. Бердяева и В. В. Розанова было обусловлено диаметрально противоположным отношением к человеку и Богу. Розановский человек ищет

покоя и по возможности счастья, идя к нему по пути меньшего сопротивления. Он заброшен в мир на короткий срок, потенциал его социально и биологически ограничен, поэтому целесообразно сберечь себя хотя бы для мимолетных счастливых минут. Оппонент Н. А. Бердяева чрезвычайно снисходителен к человеку, он не ждет от него подвига, достаточно, что тот обретет хоть какую-то гармонию с миром и самим собой, так Н. А. Бердяев не без иронии замечает, что В. В. Розанову «ведома мистерия обывательской жизни» [15, с. 95]. Бердяевский же человек хочет избавить мир от зла и любого несовершенства, без сожаления жертвую относительным земным благополучием.

Бунт Н. А. Бердяев основан на моральном неприятии мира и твердой вере в всемогущество человеческого духа. Отказавшись от навязанной материальной реальности, отрицая всю социальную жизнь бердяевский человек должен избегать любого компромисса. Зло, творящееся в этом мире, компрометирует творение Бога и должно быть искоренено. Философ вменяет в вину человеку его приспособленчество, духовное мещанство, он, по Н. А. Бердяеву, отгородившись греховностью от своего предназначения, оставил для духовной жизни лишь чувство вечного раскаяния и полностью погрузился в земной мир. Когда В. В. Розанов увидел в человеке лишь созерцательную и пассивную сущность, которой не следует брать на себя все тяготы мира и жить по силе, верить в Бога без подвигов и самоотвержения, Н. А. Бердяев заключил, что «религиозная жажда абсолютной жизни, всеобщего спасения, царства Божьего на земле, как и на небе, находится вне кругозора обывательской мистики» [там же, с. 95]. В крайней степени духовной лени обвиняется Н. А. Бердяевым В. В. Розанов, он называет «апофеозом русской лени» все попытки последнего оправдать человека, стремящегося к неприятию земному счастью [15, с. 94]. Безусловно, претензии русского экзистенциалиста обоснованы, сознательное ограничение себя в стремлении к абсолютному благу происходит через обеднение нравственного чувства, умывание рук и соглашательство со злом. Пропаганда морального конформизма или даже скрытое его исповедование несовместимы с истинами христианства, которые предполагают бытийственные масштабы нравственного преобразования.

Для Н. А. Бердяева религиозное чувство не должно погрязнуть в обыденности, воспринимать весть о Боге следует как указание к действию, религия не должна быть всего лишь фоном для поиска удобной жизни, для добавления быту волшебства и очарования. Отказ от борьбы за потерянный рай лишал целесообразности как индивидуальную жизнь, так и всю человеческую историю в принципе, если смириться со своей участью, пытаясь найти самую спо-

койную форму существования, то мир так и будет прибежищем зла.

Создавая свое учение Н. А. Бердяев исходил из веры в человека как сотворца Бога, вера в его великую миссию не подвергается сомнению и носит религиозный характер. Человек как существо отличное от остального живого мира, обладающее свободой и сверхприродным потенциалом является таковым, по Н. А. Бердяеву, только при условии существования высших сил: «вера в человека есть одно из выражений веры в Бога и божественное» [12, с. 405]. Таким образом, для мыслителя вера в Бога обуславливает веру в человека. Атеизм здесь не только отрицает Бога, душу, смиряет со смертью, ставя на один уровень с любым зверем, но и уничтожает надежду на мир, свободный от зла, поскольку человек, каким бы хорошим он не был вне реализации божественного предназначения, погрязнет в нем. В атеистической картине мира человек есть социальное животное, которое не претендует на бессмертие, его царство есть продукт порабощения природы, а его отношения с себе подобными представляют собой насильственную систему.

Суть концепции Н. А. Бердяева заключается в том, что падший мир должен быть исправлен человеком, когда тот осознает свое могущество как продолжателя дела божественного творения. Иной перспективы мыслитель не видит, ведь только когда мир будет заново отстроен по божественным законам, можно будет говорить о достижении совершенства, подлинной свободе и нравственной жизни. Любая другая активность, лишенная цели преобразования, изменения и обновления лишь усугубляет трагичность положения человека. Если деятельность, даже творческая, даже руководствующаяся благородными устремлениями, лишена связи с Богом, т. е. лишена конечной цели, то ее источник быстро иссякнет и ее плоды в лучшем случае будут достоянием истории, поэтому для морального преображения мира следует видеть своей целью реализацию божественного замысла.

Тамбовский государственный технический университет

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Слепцова А. О., кандидат философских наук, доцент кафедры «История и философия»; магистрант кафедры истории и философии

E-mail: sleptsova_ao@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lampert E. Nicolas Berdyaev and the new Middle Ages. London: Leopold Classic Library, 2016. 96 p.*
2. *Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.*
3. *Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.*
4. *Кудаев А. Е. Трагедия творчества в эстетике Николая Бердяева. М.: ИФРАН, 2014. 255 с.*
5. *Бердяев Н. А. Творчество и объективация. М.: Т8RUGRAM, 2018. 300 с.*
6. *Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.*
7. *Щекалева О. В. Оправдание человека через творчество в философии Н. А. Бердяева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. 2021. № 4. С. 57–66.*
8. *Тимофеев А. И. Николай Бердяев : человечность и война // Соловьевские исследования. 2016. № 1. С. 85–93.*
9. *Желобов А. П. Гуманистические интенции антропологии и этики Н. А. Бердяева // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 2. С. 105–111.*
10. *Шумской А. В. Кантианство в раннем творчестве Н. Бердяева (1900–1910 гг.) // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 2. С. 25–32.*
11. *Шумилкина О. Г. Феномен свободы в философской антропологии : генезис неклассической парадигмы : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород : ОГУ, 2009. 20 с.*
12. *Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Берлин : Директ-Медиа, 2016. 451 с.*
13. *Усманова Л. Т. Философское учение Н. А. Бердяева о свободе, открывающей просторы творчества // Философская мысль. 2019. № 12. С. 10–18.*
14. *Knezevits R. Homo Theurgos : Freedom according to John Zizioulas and Nikolai Berdyaev : PhD thesis. Oxford : Oxford University Press, 2016. 307 p.*
15. *Бердяев Н. А. Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). М.: Канон+, 2004. 448 с.*

Tambov State Technical University

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Sleptsova A. O., Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of History and Philosophy; Master's student at the Department of History and Philosophy

E-mail: sleptsova_ao@mail.ru